

задачу научного воссоздания исторического развития языка во всех звеньях его структуры, в том числе и в области акцентологии. При решении вопросов русской исторической акцентологии внимательное отношение к данным памятника должно быть дополнено исследованием ударения в современных говорах. «Проверка современных наблюдений точным изучением системы ударения отдельных памятников, проверка показаний памятников современными наблюдениями — одинаково необходимы...»¹⁸. Подобная работа должна строиться на широком фоне сравнительно-исторического изучения прежде всего фактов славянских языков, а также с привлечением данных из других родственных индоевропейских языков. От такого сравнительно-исторического плана отказался, к сожалению, автор рецензируемой монографии.

К. В. Горикова

О НОВЫХ КНИГАХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В течение 1952—1953 годов наши областные и государственные издательства выпустили несколько брошюр, посвященных культуре речи: Б. Н. Головина «О культуре речи», В. Д. Кудрявцева «Культура речи» и Н. Н. Стаховского «Вопросы культуры русской речи»¹. Само появление этих книг показательное: оно свидетельствует о том, что назрела необходимость создать хорошее научно-популярное пособие, которое соединило бы общедоступность изложения с научной точностью и правильностью освещения вопросов языковой нормы. Как же выполняют эти требования рецензируемые книги?

Прежде всего, следует указать на общий их недостаток, присущий и ранее выходившим работам по этим вопросам: в брошюры включены разделы, которые по существу не имеют прямого отношения к основной проблеме, сформулированной в их заглавиях, — к культуре речи. Во-первых, все рецензируемые книги включают разделы о богатстве русского языка, о его выдающихся качествах, силе, выразительности, о его мировом значении и т. п. Однако общая характеристика русского языка, в большинстве случаев представляющая собой подборку цитат из высказываний классиков марксизма-ленинизма и русских писателей, имеет лишь косвенное отношение к тому вопросу, который должен быть основным для авторов этих книг, т. е. к вопросу о путях овладения нормами литературного языка и выработки навыков хорошей, выразительной речи. Во-вторых, авторы часто включают в свои работы разделы, посвященные таким вопросам, которые уведут читателя далеко в сторону от основной проблемы. Особенно ярко это проявляется в брошюре Н. Н. Стаховского, в которой 70 страниц (из общего количества 140) занимает раздел «Методы умственного труда и способы работы над содержанием и формой письменной речи». Раздел этот содержит ряд методических указаний по работе над книгой, по подготовке к докладу и самому выступлению с докладом и т. д.; автор излагает здесь правила чтения книги, говорит о том, что мешает успешному восприятию прочитанного, о способах обработки изучаемого материала (составление выписок, планов, конспектов, тезисов и т. д.). Значительное место отведено описанию методов умственного труда классиков марксизма-ленинизма, их работ над книгой. Ясно, что все это не имеет непосредственного отношения к культуре речи, т. е. к умелому, свободному, творческому владению словарными, грамматическими, орфоэпическими, стилистическими нормами литературного языка.

В книге Б. Н. Головина много говорится о правдивости, искренности, честности речи. Это тоже не имеет прямого отношения к проблемам культуры речи как к проблемам собственно языковым.

Итак, один общий недостаток разбираемых книг по культуре речи — насыщение их материалом, не имеющим прямого отношения к поставленной проблеме. Другой, тоже общий их недостаток — отсутствие четкого определения самого понятия «культура речи», всего круга встающих здесь проблем. Авторы всех названных книг много пишут о «правильном» и «неправильном» в языке, но ни один из них не подходит к понятию

¹⁸ А. Шахматов, К истории сербско-хорватских ударений, Варшава, 1888, стр. 1.

¹ Б. Н. Головин, О культуре речи. Научно-популярный очерк. Вологда, Вологодск. обл. изд-во, 1953, 93 стр.; В. Д. Кудрявцев, Культура речи, Иркутск, Иркутск. обл. гос. изд-во, 1952, 53 стр. (Науч.-попул. б-чка); Н. Н. Стаховский, Вопросы культуры русской речи, Киев, «Рад. школа», 1952, 142 стр.

«правильной» и «неправильной» речи исторически, не определяет, что же такое многообразные языковые нормы в их исторически сложившейся системе. Отсюда — смешение, понимание как равно «ошибочных» таких фактов, как, с одной стороны, единичные, хотя и типические нарушения существующей литературной нормы и, с другой стороны, вполне «правильная» диалектная речь²; объединение в общей рубрике «ошибки», с одной стороны, новых, развивающихся норм словосочетания, с другой — неправильного словоупотребления³ или явных искажений литературной речи. Отсюда же иногда — субъективные, порой ошибочные рекомендации (см. ниже).

Наконец, — последнее по порядку, но не по важности — общим слабым местом всех названных брошюр является наличие ошибок в освещении теоретических вопросов языкознания. Этот недостаток особенно ясно выступает при анализе брошюры Б. Н. Головина (может быть, именно потому, что она более теоретична, чем две другие).

e

В брошюре Б. Н. Головина есть специальный раздел о марксистском понимании языка, посвященный изложению вопросов общего языкознания. Здесь уделяется большое внимание вопросам марксистского понимания языка, говорится о специфике языка в отличие от других общественных явлений, излагается учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка. Изложение этих вопросов занимает примерно четвертую часть работы. Однако в рассуждениях Б. Н. Головина по вопросам общего языкознания есть спорные и неточные положения.

Прежде всего вызывает возражение настойчиво проводимое автором искусственное разделение языка и речи, которое восходит к теориям, противопоставляющим язык как систему определенным образом организованных средств выражения и речь как индивидуальное и не являющееся системой использование языка во всех многообразных случаях «говорения». Принимая противопоставление языка и речи, Б. Н. Головин, однако, и в речи видит систему (стр. 22, 23, 32, 43, 44 и др.)⁴. Он пишет: «Речью называется система средств языка, использованных или используемых для выражения конкретного содержания отдельных литературных произведений, научных, публицистических и деловых сочинений, общественных выступлений, бытового разговора и пр.» (стр. 43). И дальше: «Все эти отобранные для выражения конкретного содержания языковые средства образуют систему, или речь» (стр. 44). Здесь между «системой» и «речью» ставится знак равенства. Однако читателю неясно, в чем же проявляется системный характер речи, например, отдельного бытового разговора, письма и т. п. Приняв в значительной степени искусственное противопоставление языка и речи, Б. Н. Головин решил «подправить» его положением о речи как системе. Но в таком случае это противопоставление оказывается неопределенным, так как система речи (т. е. индивидуального использования языка) полностью опирается на систему языка; автор не доказал, да и не мог доказать наличия в языке множества особых систем — систем речи, индивидуального «говорения». Впрочем, противопоставление языка и речи в книге Б. Н. Головина оказалось часто внешним: в главе «Речь и ее основные качества» автор пишет о нормах языка.

Искусственным является и выделение двух основных функций языка: функции средства общения и функции выражения мысли (стр. 23). Б. Н. Головин пишет: «Язык есть орудие обмена мыслями, а второе основное назначение (функция) языка состоит в том, чтобы быть средством обмена мыслями» (стр. 23). Но в чем же различие этих функций? Разве выражение мыслей одновременно не есть уже общение? Выражая мысль в целях общения, язык выполняет свою основную — коммуникативную функцию. Б. Н. Головин разделил ее на две лишь для того, чтобы через несколько строк признать, что обе эти функции «неразрывны и взаимно предполагают друг друга, т. е. не существуют в отрыве одна от другой» (стр. 23), иными словами, что основная функция языка — выражение мыслей в целях общения.

В теоретической части брошюры много неточностей. Так, например, странно выглядит изложение системы значений слов *дом* и *дорога* (стр. 33); повидимому, автор сам составил эти словарные статьи (он не ссылается на словари); однако в предположенной им «системе» значений беспорядочно смешивается значение слова с его употреблением. Очень неточны сведения об ударении слов в предложении (стр. 41), а также определение интонации (стр. 43). Непонятно, что понимается под синонимами (стр. 44). Неточно формулируется определение основы слова (стр. 28). Вопрос о стилях речи (стр. 86 и сл.), который мог бы занять больше места в книге по культуре речи, изложен фрагментарно. Кроме того, принимаемый автором жанровый подход при выделении стилей не

² Ср.: Б. Н. Головин, указ. соч., стр. 84—85; В. Д. Кудрявцев, указ. соч., стр. 33.

³ Ср. Б. Н. Головин, указ. соч., стр. 85.

⁴ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даются ссылки на страницы рецензуемых книг.

опирается на факты языка. Неубедительны и приводимые Б. Н. Головиным иллюстрации, так как в них многое объясняется не требованиями языкового стиля, а условиями жанра или самим содержанием произведения.

Вопросам собственно культуры речи в книге Б. Н. Головина посвящен раздел об основных качествах «хорошей речи», о требованиях, которым должна удовлетворять эта речь. Однако само понятие «хорошая речь» оказывается очень расплывчатым и неопределенным, так как сюда включается не только точность, чистота, выразительность и правильность речи, но и ее правдивость, искренность и т. п. Таким образом, в своем понимании «хорошей речи» автор не разграничивает четко форму речи и ее содержание: ведь такие качества речи, как правдивость, искренность, убежденность, не имеют отношения к культуре речи, если понимать под этим высокую степень овладения всеми многообразными нормами литературного языка. Сбивчивое понимание «хорошей речи» мешает автору четко поставить вопрос о том, какое собственно языковедческое понимание следует вкладывать в термин «культура речи».

Вопросу о правильности речи отведено чуть ли не последнее место, тогда как в работе по культуре речи этому должно было бы быть уделено основное внимание. Точность, простота, чистота речи, ее логичность и правильность определяются уменьением использовать словарные, грамматические, орфоэпические и стилистические нормы языка. Но, как мы уже отмечали выше, об этих нормах и о путях овладения ими в книге Б. Н. Головина почти ничего не говорится. Не попытавшись научно решить вопрос о языковой норме, автор ограничился общими указаниями на необходимость пользоваться словарями и справочниками, что «...предоставляет возможность людям хорошо овладеть знаниями и навыками в области правильной речи» (стр. 85).

Недостатком работы является излишнее многословие, пристрастие к «красивостям», которые не украшают книгу⁵.

Несмотря на отмеченные серьезные недостатки, следует признать, что научный уровень работы Б. Н. Головина все же значительно выше того уровня, на котором находятся брошюры В. Д. Кудрявцева и Н. Н. Стаховского.

В брошюре В. Д. Кудрявцева вопросам культуры речи посвящен только последний раздел: «Совершенствование речи». Здесь рассматривается вопрос о лексических, грамматических, орфоэпических и орфографических нормах; однако автор ограничивается лишь отдельными указаниями о возможности или недопустимости употребления в языке тех или иных слов и выражений, того или иного произносительного варианта.

Во вводной части читатель находит общие замечания об историческом характере языковых норм. Но эти положения имеют декларативный характер: они, например, никак не учитываются при рекомендации конкретных произносительных норм. Так, автор безоговорочно рекомендует старомосковское произношение окончаний прилагательных на *-ий*, *-ий*, *-ий* с твердым заднеязычным, ничего не говоря о том, что в современном языке эта норма активно вытесняется другой, более близкой к написанию. Неверно также замечание В. Д. Кудрявцева о долгом произношении двойных согласных в словах *ассоциация*, *коллегия* (стр. 46). Нельзя согласиться и с тем, что в словах *концерт*, *поэт*, *форпост* в предударном слоге «о» произносится отчетливо» (стр. 45).

Неясно представляет себе автор и систему словарных норм языка, пути ее изменения. Говоря о злоупотреблениях аббревиатурами «в современном русском языке», В. Д. Кудрявцев приводит примеры из ... списка абонентов телефонной сети г. Иркутска за 1947 г.: АУРП, МЭП, ИДРС, ГУГК и др. Какое отношение имеют эти местные условные сокращения к словарному составу общенародного литературного языка?

В работе много небрежных формулировок, а иногда и прямых ошибок. Так, например, из высказываний автора можно сделать вывод о том, будто бы русский литературный язык, его нормы создаются искусственно, только в результате деятельности образованных людей. Автор пишет: «На протяжении последних двух столетий нормы литературного языка любовно обрабатываются и шлифуются. Существующие нормы — результат упорного труда многих поколений русских образованных людей» (стр. 6). По мнению автора, образованным людям, ученым принадлежит первое место не только в обработке норм языка, но и в создании новых слов: «Новые слова создают ученые, писатели, общественные деятели и народ в целом» (стр. 29). Небрежность формулировки дает читателю повод сделать ошибочный вывод о том, что роль народа в развитии языка и его норм незначительна по сравнению с ролью отдельных личностей.

На стр. 21 В. Д. Кудрявцев пишет, что в языке как средстве общения «различаются две важных стороны: словарный состав и грамматический строй»; звуковая сторона языка, таким образом, «ликвидируется». Неясно, почему же тогда автор дальше пишет о произносительных нормах языка.

⁵ См. рец. Н. Прянишникова в газ. «Известия» 23 VI 53.

На стр. 9 читаем: «Русский литературный язык продолжал развиваться, главным образом, на основе своих богатых грамматических средств (суффиксов, приставок, словения слов и др.)». Богатые грамматические средства русского языка здесь сведены только к средствам словообразования.

Говоря о словарном составе и основном словарном фонде, В. Д. Кудрявцев пишет: «Возникает проблема правильного отношения к тем категориям слов, которые находятся за пределами основного словарного фонда, т. е. в словарном составе» (стр. 23). Получается, что основной словарный фонд находится за пределами словарного состава языка. За пределами основного словарного фонда, по мнению автора, остаются все слова иноязычного происхождения, даже такие, как *деньга*, *мастер* и подобные.

Путаные сведения сообщает автор об отношениях литературного языка и диалектов (стр. 5, 26), о роли писателя в истории развития общенародного языка (стр. 11—12), о синтаксической системе языка (стр. 34). На стр. 34 говорится: «У каждого человека вырабатывается своеобразная, отличная от других, манера выражать мысли. Эту совокупность типов предложений⁶ принято называть *с л о г о м*» (разрядка наша.—*Авт.*). Такое безответственное определение одного из сложнейших понятий современной стилистики⁷ выглядит более чем странно.

Небрежность формулировок порождает фактические неточности, ошибки. Например, автор пишет, что И. В. Сталин в работах по языкознанию дал развернутую программу преподавания языка (стр. 21). Известно, что товарищ Сталин в своих работах по языкознанию вообще не ставил вопросов преподавания языка.

Брошюра Н. Н. Стаховского состоит из предисловия, пяти глав и небольшого словаря, включающего слова, в которых, по мнению автора, наиболее часто допускается неверное ударение.

В предисловии говорится о задачах работы и раскрывается содержание термина «культура речи». Автор понимает культуру речи как «... правильное использование богатств общенародного языка для точного, доходчивого и выразительного изложения мысли» (стр. 4). Культура речи предполагает, по мнению автора, «правильное использование словарного состава и грамматического строя языка», знание «особенностей стилистического словоупотребления», «приемов стилистического синтаксиса», правил произношения. В культуру речи автор включает и умелое применение образно-эмоциональных средств языка, поскольку образность и эмоциональность изложения мысли облегчают ее понимание и усвоение. В процессе изложения в круг рассматриваемых вопросов автор вовлекает также вопрос о методах работы над книгой, подготовки доклада и устного выступления, организации рабочего дня и др.

Выше уже отмечалось, что из поля зрения Н. Н. Стаховского (как и других авторов) выпадают такие вопросы, которые должны были бы быть основными в его работе. Н. Н. Стаховский не раскрывает того, что положено им в основу определения культуры речи — понятия правильности. Остается неясным, что значит правильное использование словарного состава и грамматического строя языка, в чем состоит «знание особенностей стилистического словоупотребления» и «приемов стилистического синтаксиса».

Как уже отмечалось, в брошюре содержится много лишнего материала. Не нужен в том виде, как он дан здесь, раздел «Образные и эмоциональные средства языка». Образные средства языка рассматриваются Н. Н. Стаховским не в лингвистическом, а в литературоведческом плане. Используя материалы главы о тропах из «Теории литературы» проф. Л. И. Тимофеева, а также материалы статьи К. И. Былинского «Практическая стилистика языка газеты»⁷, автор сообщает элементарные и в то же время путаные сведения о тропах и их видах, иллюстрируя их употребление случайными примерами из произведений некоторых писателей. Читатель, который захочет найти в книге Н. Н. Стаховского практические указания по стилистике, получит вместо них отрывочные и бессистемные сведения об эпитетах у Горького, о иронии и сарказме, о развернутых сравнениях в произведениях И. В. Сталина, о пословицах и загадках и т. п. Можно было бы примириться с этим лишним, загромождающим книгу материалом, если бы в нем не было большого количества самых грубых ошибок. Ошибочны сообщаемые автором сведения о переносных значениях слова, смешивающие явления переносного значения и омонимии (стр. 95—96 и 98—99); произвольная терминология (что, например, имеет в виду автор под «значимыми частями речи» на стр. 99); неверное толкование многих явлений языка (ср., например, отнесение к метафорам целого ряда пословиц и поговорок на стр. 100—101); совершенно не оправданно расширение поня-

⁶ Перед этим сообщается, что «в своей речевой практике мы пользуемся разнообразными типами простых и сложных предложений...»

⁷ Л. И. Тимофеев, Теория литературы, М., Учпедгиз, 1948; К. И. Былинский и К. И. Тимофеев, Практическая стилистика языка газеты, в кн. «Язык газеты», М.—Л., Гос. изд-во легкой промышленности, 1941, стр. 136—352.

тия «эпитет», в результате чего в эпитеты попадают, например, такие вещи: *Великая Октябрьская социалистическая революция*; *Пора, дитя мое, вставай!*; *Что ты такой кислый?*; *Видала ты, Ниночка, такого обалдуйа?* (выделенное курсивом, по мнению Н. Н. Стаховского, — эпитеты)⁸.

С другой стороны, в брошюре очень мало материала, имеющего непосредственное отношение к вопросам культуры речи. Из пяти разделов книги прямое отношение к этим вопросам имеют лишь два: раздел III — «Правильность письменной речи» и раздел V — «О правильном русском литературном произношении и ударении». Раздел I — «Значение борьбы за культуру русской речи» имеет довольно общий характер: в первой его части автор, исходя из понимания языка как средства общения из признания неразрывной связи языка и мышления, обосновывает необходимость борьбы за эффективность и действенность языка как орудия общения — за смысловую точность, правильность и выразительность речи; во второй части приводятся известные высказывания классиков марксизма-ленинизма и русских писателей о богатстве, мощи и выразительности русского языка, о необходимости изучать и беречь его.

В разделе о правильности письменной речи, занимающем всего 6 страниц (из общего количества 140), вслед за несколькими цитатами из работ В. И. Ленина и М. Горького приводятся случайные примеры ошибок, встречающихся при построении предложений, указывается, в чем именно состоит ошибка, и дается правильное, с точки зрения автора, построение соответствующего предложения.

Подобный раздел в книге о культуре речи мог бы представлять большой интерес, если бы он заключал в себе более или менее систематическое рассмотрение типических ошибок и соответствующие правила, знание которых обеспечит успешное преодоление этих ошибок. К сожалению, в брошюре Н. Н. Стаховского читатель находит случайно собранный и бессистемно расположенный материал. Сами же рекомендации автора часто никак не обоснованы, а формулируемые им правила во многих случаях неточны. Так, в качестве примера ошибки в согласовании подлежащего и сказуемого приводится предложение: «Большинство членов колхоза перевыполнили свои задания в два раза» (стр. 90), где, по мнению автора, сказуемое может иметь только форму единственного числа. Однако в тех случаях, когда в состав подлежащего входит имя существительное со значением лица, в литературном языке зарегистрированы колебания в употреблении формы сказуемого. Как безусловная ошибка квалифицируется употребление в форме именительного падежа названия города в следующем предложении: «Недалеко от города Иркутск мы остановились на ночлег», а также употребление в форме именительного падежа фамилий в предложении: «Самолеты, пилотируемые Концевич, Бабичук и Нехода, сделали посадку на Киевском аэродроме». На самом деле вопрос об употреблении той или иной падежной формы здесь сложнее, и употребление форм именительного падежа объясняется здесь не просто незнанием грамматики; автору следовало бы остановиться на специальных для этих случаев нормах согласования в языке военной и географической литературы, а также в некоторых официальных документах. Слово сочетание *план по лесозаготовкам* Н. Н. Стаховский считает безусловно ошибочным. Однако это — продуктивный тип словосочетаний (ср. *меры по улучшению чего-нибудь* и т. п.).

Указывая на ошибки в построении предложений, автор приводит пример: «Меня со всех сторон обступили сосны, лиственные деревья, ели, дубы, стройные березы». Ошибка здесь, по мнению автора, заключается в том, что смешаны в один ряд родовые и видовые понятия. Однако ошибка эта может быть отнесена к логической стороне высказывания, а с точки зрения грамматики это предложение вполне правильное.

Можно привести и другие примеры неточностей и неправильностей, нашедших себе место в главе о правильности письменной речи.

Глава «О правильном русском литературном произношении и ударении» посвящена, в основном, вопросу о произношении; в разделе об ударении указывается только на подвижность русского ударения и приводится список словарей. Раздел, посвященный вопросам литературного произношения, содержит лишь некоторые практические рекомендации, которые полностью опираются на старые московские произносительные нормы.

Не обосновав самого понятия языковой нормы как исторически развивающегося явления, Н. Н. Стаховский ничего не говорит и об изменениях произносительных норм современного русского литературного языка, о существовании колебаний и о наличии произносительных вариантов. Он рекомендует своим читателям устаревшие нормы: произношение мягких зубных (или переднеязычных) *т, д, с, з* и перед мягкими губными (в современном языке проявляется несомненная тенденция к отвердению этих звуков); только твердое произношение *г, к, х* в основах имен прилагательных (*тигый, кротгый,*

⁸ Следует признать, что критика этого раздела брошюры Н. Н. Стаховского, содержащаяся в рецензии Н. В. Суrowой в журн. «Українська мова в школі» (Киев, 1953, № 5) является недостаточной. Вообще вряд ли можно согласиться с данной в этой рецензии общей оценкой книги Н. Н. Стаховского.

строгий); произношение *о* в первом предупредном слоге в словах *отель, поэзия, коттедж* и др. Странно выглядит предупреждение о недопустимости произношения звука *а* в первом предупредном слоге в слове *полпред*: ведь это русское сложносокращенное слово («полномочный представитель»).

В книге смешиваются понятия звука и буквы (стр. 125, 128 и др.).

Вызывают замечания и некоторые из рекомендованных автором ударений. Иногда даются устаревшие ударения, основанные на данных «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, например, *диагно́з*. Слова *блindaж, выраж, шантаж* предлагаются склоняться ударением на основе *блindaжа, вирóса, шантажа*, в то время как эти слова, как и ряд других имен на *-аж* с односложным корневым элементом, в современном языке употребляются с ударением на флексии во всех падежных формах: *блindaжé, вирóса, шантажé*. Вызывают возражения как устаревшие и некоторые из рекомендованных ударений в глагольных формах. Например, предлагается произносить ряд возвратных глаголов прошедшего времени с ударением на *-ся*: *отдалсь, передалсь, собралсь*, вместо широко употребительных в современном языке *отда́лся, переда́лся, собра́лся*.

В ряде случаев не отмечается, что различие в ударении связано с разными значениями слова, например: *хаос* — бесформенная материя, существовавшая, по легендам, до сотворения мира; *хабс* — беспорядок; слово *ступень* в современном языке употребляется с разным ударением в косвенных падежах множественного числа в зависимости от значения: *ступе́нь, ступе́ней* — часть лестницы и *ступе́нь, ступе́нь* — ступень, стадия развития чего-нибудь.

В работе Н. Н. Стаховского безоговорочно рекомендуется старая форма именительного падежа множественного числа мужского рода *ла́гери*. Однако здесь возможны две формы — *ла́гери* и *лаге́ря*, что связано с различием значений: *лаге́ря* — военные, пионерские и *ла́гери* — политические группировки.

Следует также отметить и технические недостатки подачи материала в словаре: в некоторых случаях не приводится именительный падеж существительного, а даются лишь косвенные падежи (например, *лápтя, лápтлю*). Допущена неточность в примере перехода ударения на предлог в выражениях *на два, на три*: автор пишет «и т. д.», хотя уже сочетание со следующим числительным (*на четы́ре*) нельзя произнести с ударением на предлоге. Кроме того, в словаре не всегда соблюдается алфавит.

В рассматриваемой главе есть ряд неверных или неточных формулировок. Так, автор пишет, что «русскому литературному языку, как и другим литературным языкам, свойственны не только общепринятые нормы правописания, но и произношения» (стр. 123). На основании этого высказывания можно сделать вывод, что никаких других норм в русском языке нет.

Говоря о русской орфоэпии и ее источниках, Н. Н. Стаховский утверждает, что «русский язык сложился и вырос на базе курско-орловского диалекта» (стр. 123). Это утверждение неправильно, так как курско-орловский диалект, как указывает товарищ Сталин, лег в основу русского национального языка.

*

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что во всех рассмотренных работах есть один общий недостаток: у их авторов нет ясного представления о том, что следует понимать под «культурой речи». Этим определяется отсутствие четкого выделения основных проблем, непосредственно относящихся к понятию культуры речи. Отсюда — заполнение книг лишним, не относящимся к делу материалом, ошибки и неясности в освещении многих первостепенных вопросов.

Отклики на статью С. И. Ожегова «О культуре речи»⁹, полученные редакцией «Литературной газеты», а также многочисленные письма, поступающие в Сектор культуры речи Института языкознания АН СССР, свидетельствуют об огромном интересе к вопросам культуры речи. Советская общественность нуждается в практическом, доступном для широких масс, теоретически обоснованном пособии, где было бы дано строго научное и четкое понимание языковой нормы, проверенные и точные рекомендации. К сожалению, приходится признать, что рассмотренные брошюры не могут удовлетворить потребность советских людей в таком научном руководстве. Поэтому создание общедоступного пособия по культуре речи продолжает оставаться неотложной задачей советских языковедов.

В. Л. Воронцова и А. И. Сумкина

⁹ С. Ожегов, О культуре речи, «Лит. газета» 10 II 53.